

УДК 141.8

ББК 87.3

К 14

Казанов Хамзет Мосович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и педагогики факультета новых социальных технологий Майкопского государственного технологического университета, т.:(8772)525124;

Цеева Заира Алиевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики факультета новых социальных технологий Майкопского государственного технологического университета.

МАРКСИСТСКИЙ «УТОПИЗМ» И ЕГО СОВРЕМЕННЫЕ КРИТИКИ

(рецензирована)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с критикой марксизма, наиболее распространенными из которых являются обвинения в утопичности. Попытки критиковать важнейшие теоретические постулаты теории Маркса предпринимались и раньше, но наиболее активным нападкам марксизм подвергается современными учеными. Авторы статьи пытаются проанализировать причины порой субъективной, необоснованной критики, и, применив философский подход, отстоять несомненную теоретическую ценность и научную силу социальной теории Маркса.

Ключевые слова: *марксизм, утопия, марксистская социология, капитализм, коммунизм, общественная собственность, экономическая необходимость.*

Kazanov Khamzet Mosovich, Doctor of Philosophy, professor of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy of the Faculty of New Social Technologies, Maikop State Technological University, tel: (8772) 525124;

Tseeva Zaira Alievna, Candidate of Sociology, assistant professor of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy of the Faculty of New Social Technologies, Maikop State Technological University.

MARXIST “UTOPIANISM” AND MODERN CRITICISM

(reviewed)

The article discusses issues related to the criticism of Marxism, the most common of which are accused of utopianism. Attempts to criticize the major theoretical tenets of Marx theory were made before, but the most active attacks on Marxism is exposed by modern scholars. The authors attempt to analyze the reasons, sometimes subjective, of unjustified criticism, and by applying a philosophical approach, to defend the obvious theoretical and scientific value of social theories of Marx.

Keywords: *Marxism, Utopian, Marxist sociology, capitalism, communism, public ownership, an economic necessity.*

В наше время, когда чуть ли не каждая бульварная газета позволяет себе небрежно «кусать» марксизм, наиболее распространенным обвинением в его адрес является утопизм, понимая это как проповедь абсолютно несбыточной идеи коммунизма вместо научной теории. При этом фактически никто не затрудняет себя какой-либо попыткой познакомиться непосредственно с трудами основоположников самой теории и ее сторонников. А те, кто сегодня присвоил себе титулы всезнающих обществоведов, просто с порога отрицают все, хоть издали напоминающее коммунистическую идею, считая ее, в отличие от любой другой, несовместимой с социальной наукой.

Между тем социальная наука немислима без утопий, которыми полна ее история. Философия, серьезно занимающаяся ими, делит их на абсолютные и относительные: то есть на те, которые в принципе нереализуемы, и те, которые нереализуемы лишь в рамках существующего социального порядка.

Под утопией, согласно определению Карла Манхейма – автора знаменитого труда "Идеология и утопия", принято понимать такие феномены сознания, которые, будучи трансцендентны бытию, стремятся "преобразовать существующую историческую реальность, приблизив ее к своим представлениям" [1].

Впрочем, давно известно, что всякого рода ретрограды и консерваторы, люди, боящиеся всяческих перемен, склонны считать утопией даже простое логическое предвидение. Нежелание выходить за пределы существующего социального порядка лежит в основе того, что неосуществимое на данной стадии бытия рассматривается как неосуществимое вообще..., тем самым подавляется социальная тревога и страх перед возможными переменами, даже далекими от радикальных, даже относительно

безобидными, «которые могли бы быть осуществлены при другом социальном порядке» [2].

Элемент утопичности, несомненно, сохраняется и в учении Маркса (как и во всех идейных течениях его времени), что совершенно не снижает его значимости.

Дело в том, что социальная теория, устремленная в будущее, предполагает этот элемент, как предвидение. И без него она не будет полноценной. То, что кажется утопией сегодня, завтра может стать действительностью. Идея "свободы" для поднимающейся революционной буржуазии была утопией, которая только после ее победы обрела черты частично осуществленной реальности. Из утопии, взрывающей старый строй, она превратилась в идеологию, оправдывающую новый порядок вещей. Любая форма сознания, выходящая по своим пожеланиям и требованиям за рамки существующего, предстает как утопия. Марксизм в своем учении о социализме впервые применил метод научного – социологического – анализа исторической и социальной обусловленности социальных процессов, вскрыв тем самым их идеологическую предвзятость и классовую ангажированность. Правда, то же самое он забыл сделать по отношению к себе. Когда и он подвергнется такому же анализу, век утопии кончится. "Мы приближаемся к той стадии, когда утопический компонент полностью (во всяком случае в политике) уничтожит себя в ходе борьбы своих различных форм" [3].

Но вот что интересно: мир без утопии в значительной степени теряет свою привлекательность. Ведь утопия до сих пор делала возможной историю в плане изменения ее духовной структуры, способствовала ее восприятию и пониманию как целостности. По мнению того же Манхейма, мир без утопии – это антиутопия, где человек лишается воли к созиданию нового и веры в будущее. «В будущем реально можно добиться абсолютного отсутствия идеологии и утопии в мире, где нет больше развития, где все завершено и происходит лишь репродуцирование, - пишет он. - Но уничтожение всякой трансцендентности бытия в нашем мире приведет к такому прозаическому утилитаризму, который уничтожит человеческую волю... Исчезновение утопии создаст статичную вещность, в которой человек и сам превратится в вещь" [4].

В XX веке единственное, что можно поставить в упрек утопии, – это ее претензии быть властью, стоять у власти, подменять собой политическое, основанное на трезвом расчете решение встающих перед обществом проблем. В плане же

духовном отказ от утопии, исчезновение всех ее возможных форм может привести к тому, что человек "утратит волю создавать историю и способность понимать ее" [5].

По словам другого крупнейшего мыслителя Раймона Арона, в критике Марксом нынешнего общества "с надеждой реализации идеала целостного человека в результате простой замены одной формы собственности другой выражено величие... марксистской социологии" [6].

Он считает, что теория марксизма претендовала как бы на двойной синтез: с одной стороны, на соединение критики существующего строя с рабочей идеологией, с другой – на соединение ее со строгой социальной наукой. Соединяя эти две стороны, Маркс попытался изобразить пролетариат "всеобщим классом", чьи интересы совпадают с интересами всего общества, в конечном счете – человечества. Поэтому, мол, сознание такого класса также является всеобщим, т.е. научным. Однако данное представление как раз и содержало в себе элемент утопии, что стало очевидным на более поздней индустриальной и постиндустриальной фазе развития капитализма.

На этой фазе рабочий класс обнаружил тенденцию не только к своему количественному сокращению в общем составе работающего населения, но и качественному преобразованию, обретая черты не столько класса, сколько профессии, уступая место и роль главной производительной силы работникам умственного труда. Потому и представлен он сегодня в западном обществе не столько политическими партиями, сколько профсоюзами, борющимися не за власть, а за более выгодные условия труда.

Разумеется, капитализм за это время стал другим, найдя новые источники своего экономического роста, связанные, прежде всего, с применением научного знания и развитием информационных систем. И все же сохраняется главное – капитализм и в нынешнем виде является не тем, каким его хотели видеть идеологи революционной буржуазии, провозгласившие наступление царства свободы и равенства. Он и сейчас остается предметом критики с самых разных сторон. И в этой критике Марк занимает вполне достойное и почетное место.

В своей критике капитализма Маркс положил начало совершенно новой научной традиции, названной впоследствии социально-критической теорией. Последняя была продолжена многими течениями современной общественной мысли, в частности, знаменитой Франкфуртской школой.

Главное же обвинение в адрес Маркса сводится к его приверженности коммунистической идее, которая якобы всю его критику капитализма превращает в чисто утопическое предприятие.

Коммунизм, – несомненно, утопия для тех, кто видит в капитализме заключительную фазу истории, а в либерализме – вообще “конец истории”. Относительная утопичность коммунизма в сознании людей, живущих настоящим, не служит, однако, доказательством его абсолютной утопичности. Но и его относительная утопичность может быть поставлена под сомнение, как только мы попытаемся понять, что именно Маркс называл коммунизмом.

У Маркса, как полагает Арон, неясно, какой вид деятельности, труда соответствует этому идеалу [7]. Описанные Марксом «всеобщий труд» и «свободное время» – это реалии не будущего, а уже современного общества, служащие основанием человеческой целостности. Целостный человек, или "свободная индивидуальность" для Маркса – не отвлеченный философский идеал, а самая что ни на есть реальность, искать которую следует, однако, не в экономической и политической, а культурной реальности.

Достаточно уяснить себе, что Маркс никогда не ставил перед собой задачу нарисовать картину идеального общества, в котором люди, наконец, освободятся от истории. **Коммунизм – не цель истории, а сама история** в ее свободном развитии, глубинном содержании и значении, в ее собственном бытии. А история по своей сути, по своему онтологическому статусу – не просто существование людей в том или ином социально организованном пространстве, а их жизнь во времени, **не можем остановиться в каком-то одном и кем-то указанном пределе**. Незрелое общество с совершенными людьми должно прийти на смену истории, а история, по мысли Маркса, должна покончить со всяким застоём, с попытками задержать общество в той или иной точке развития.

Непонимание, а скорее нежелание понимать это важнейшее положение теории Маркса позволяет легко отмахнуться о других ее сторон, и от нее в целом, наклеив на нее пренебрежительный ярлычок утопии.

То же самое относится и к понятию общественной собственности. Везде и всюду провозглашается ее примитивнейшее понимание, как ее всеобщая и равная всем принадлежность. Это совершенно не соответствует идеям марксизма. Равное

разделение Маркс считал порождением той же частной собственности и самой утопической мечтой утопического (не научного) социализма.

Равенство у Маркса связано с правом быть тем, кем тебя сделал Бог, природа или ты сам себя, т.е. с правом на самореализацию, на раскрытие всех своих возможностей, на творчество “по способностям”. Путь к обществу, при котором возможна такая жизнь, лежит через такое общественное богатство, которое доступно каждому, но само по себе неделимо. Это такое богатство, которое может принадлежать каждому без ущерба для других, не убывает, а прибывает от пользования им и не требует никакого дележа, ни равного, ни неравного. Но именно оно и делает людей равными друг другу.

Это культура, в целом включающая в себя и научное знание, и все то, что служит условием производства. Это искусство, образование, источники и средства информации, формы общения, различные виды общественной и интеллектуальной деятельности. Собственность на них делает человека не имущественно, а духовно богатым существом, чье богатство заключено в его индивидуальном развитии. Таким образом, в марксизме **общественная собственность становится культурной категорией, означающая обобществление “духа”, всей человеческой культуры.** Производство, в котором наука играет решающую роль, Маркс называл “научным производством”, отличая от фабрично-заводского, а мы сегодня именуем постиндустриальным.

Как видно, равенство и свобода оказываются достижимы не в сфере экономической реальности, базирующейся на разделении труда, частной собственности и рыночной конкуренции, а за ее пределами – “по ту сторону” экономической необходимости. Данное утверждение вызвало в адрес Маркса немало злобных шуток и нареканий. Никто при этом не захотел разобраться, как он мыслил переход в “царство свободы”. Речь шла у него не об отрицании экономики, что реально является утопией и очень вредной, а об ином источнике развития общественного производства, чем труд рабочих. Капитализм знает этот источник и умело пользуется им. “Поэтому тенденция капитала содержится в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства” [8]. Производство, в котором наука играет

решающую роль, Маркс называл "научным производством", отличая от фабрично-заводского, сегодня же он получил название постиндустриального.

Там, где наука становится определяющим моментом производства, сводя непосредственный труд рабочих "к минимуму", превращая его "во второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду", меняется и характер собственности: соединение человека с знанием в процессе труда (в отличие от вещественных орудий труда) не может осуществляться по принципу частной собственности, поскольку наука не является объектом частного присвоения.

Данная версия, как видно, отличается от той, которую обычно излагают в качестве марксистской – через классовую борьбу, революцию, диктатуру пролетариата и насильственную экспроприацию. Это версия не марксистская, а ленинская. И сегодня можно сказать с полным основанием, что она не является развитием марксизма, а его искажением, приспособлением к российской реальности начала XX века.

Необходимо также подчеркнуть такое важное обстоятельство, как тот факт, что замена непосредственного труда рабочих "всеобщим трудом" приводит к резкому сокращению рабочего времени и приросту времени свободного, т.е. "времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда"[9]. Это время, которое человек тратит на образование, получение новой информации, на развитие своих способностей, короче, на производство самого себя. С развитием "научного производства" оно обретает **значение главного фактора** роста общественного богатства, ибо таким богатством становится сам человек. Его нельзя сводить лишь к времени отдыха и досуга, наоборот, оно – время предельно напряженной творческой деятельности. Именно поэтому его всегда и не хватает людям свободных профессий. У людей же, свободных от любого труда (например, безработных), нет ни рабочего, ни свободного времени: они вообще выключены из общественного времени и живут только во времени физическом.

Выявленная когда-то Марксом тенденция перехода к научному производству, свободному времени, общественной собственности и пр., возможно, в иных терминах и понятиях фиксируется и современной мыслью, в том числе научной, которую никто не обвиняет в утопизме. Таковыми являются, например, идеи немецкого

христианского философа Петера Козловски, отраженные в его труде “Культура постмодерна”, ставшем сегодня философским бестселлером: “С увеличением доли свободного времени и пауз на получение образования искусство, игра, наука и духовность, все богатства культуры займут значительное место в нашей жизни. Такое развитие ведет к формированию общества, определяемому развитием религиозных, духовных и художественных его параметров. Труд в нем обретает духовную и игровую форму. Культура, философия и религия выполняют функции смысловой ориентации человека. Когда ослабевает давление проблем производства, тогда свободное время направлено на становление культуры и духовности. Таким образом, еще предстоит наступление часа культуры, философии и религии” [10]. За исключением обращения к религии данное утверждение вполне согласуется с Марксом.

Маркс создал не утопическую модель общества, новую науку, объясняющую действительность во всей ее сложности и полноте, в ее внутренней противоречивости и динамике.

Не подлежит сомнению господство денег и капитала в современном обществе. Но так же невозможно оспорить и то, что люди, представляющие в обществе культуру в ее высших образцах, не признают над собой власти ни государства, ни денег. А ведь именно их власть Маркс и сделал предметом своей критики точно так же, как либерализм подверг критике всевластие государства. И, как либерализм означает не уничтожение государства, что является анархической утопией, а лишь его перевод в правовое пространство, так и марксизм требует не отмены денег и рыночного хозяйства, а максимально возможного расширения рамок индивидуальной свободы, находящейся “по ту сторону” экономической необходимости [11]. И никакая это не утопия, а констатация того, что уже давно поставлено на повестку дня развитием современной цивилизации.

Нет никакого сомнения, что со временем социальная мысль снова обратится к этим великим идеям.

Литература:

1. Манхейм, К. Диагноз нашего времени. М., 2004. С. 167.
2. Там же. С. 168-169.

3. Там же. С. 209.
4. Там же. С. 219.
5. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 184.
6. Там же. С. 183.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч.2. С. 206.
8. Там же. С. 221.
9. Козловски, П. Культура постмодерна. М., 2007. С. 150.
10. Там же. С. 153.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч.1. С. 449.

References:

1. *Manheim K. Diagnosis of our time. M., 2004. P. 167.*
2. *The same. P. 168-169.*
3. *The same. P. 209.*
4. *The same. P. 219.*
5. *Aaron R. Stages of development of sociological thought. M., 1993. P. 184.*
6. *The same. P. 183.*
7. *K. Marx and F. Engels. Selected Works, Vol. T. 46. Part 2. P. 206.*
8. *The same. P. 221.*
9. *Kozlowski P. Postmodern Culture. M., 2007. P. 150.*
10. *The same. P. 153.*
11. *K. Marx and F. Engels, Selected Works, Vol. T. 46. Part 1. P. 449.*